

РЕКЛАМНАЯ
БИБЛИОТЕЧКА
ПОЭЗИИ

Славному катанковцу

АННА *Председательство*
КОВУСОВ *Совета*

Безграцов Леонардович
Армии Александру
Андреевичу Энедита

ФРОНТОВЫМ

В память о наших
фронтовых **ДРУЗЬЯМ**

воинов от Катанкова

(виз. др.)

Молоцов

22.11.98

Москва

Анна Ковусов

50 лет ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Друзья, с кем сблизила меня война,
Связала насмерть дружбой
настоящей,
Мне ваши лица, ваши имена
Все чаще вспоминаются и чаще.

Где вы, в какой далекой стороне?
Но если живы, верю я: быть может,
Как нынче я о вас, и обо мне
Вы вспоминаете порою тоже.

Я сам не понимаю, что со мной:
Друзья, дарованные мне войной,
Я чаще вас зову, а это значит,
Что путь земной, который за
спиной,
Длинней пути, что впереди маячит.

Я чаще вспоминаю вас сейчас,
Откликнитесь на зов мой, ради
бога.

Хотя бы потому, что нынче нас
Осталось на земле не так уж много.

Что цену обретений и утрат
Теперь мы знаем,
В этом наша сила,
Ведь каждому из нас за семьдесят
Не так давно, но все ж перевалило.

У старости благое свойство есть:
Ей с высоты своей не так уж
сложно
Переосмыслить жизнь и предпочесть
Все то, что истинно, всему, что
ложно.

Пусть запоздалой мудростью грешу,
Но понял я:
Никто из нас не вечен.
Друзья мои, я жажду с вами
встречи,
Пока еще я мыслю и дышу.

МАТЕРИНСКИЕ РУКИ

А. И. Янковской

Я руки твои, украинская мать,
Припав как к святыне, целую.
Нет счастья превыше на свете —
опять

Увидеть тебя, дорогую.

Я слез не стыжусь. Их в груди
много лет
Держал до заветного срока.

О мамо! Твой тихий, задумчивый
свет
Меня поманил издалека.

Не в силах сдержать я святую
печаль.

А может быть, в этом и сила.
На лбу поцелуй твой — бессмертья
печать.

О, скольких же ты воскресила!

Я мертвый почти, у тебя на руках
Лежал за дрожащею гранью.
Неведомы были и боль мне, и
страх,
И прочь отлетело страданье.

Как будто последний рубеж
позади —

Для жизни уже не воспрянуть.
Но дрогнуло сердце, забилося
в груди...

Открылся мне путь на поляну.

Очнулся, не ведая, я иль не я,
Но из лесу темного вышел.
— Сынок! — позвала ты из небытия.
Был голос твой шелеста тише.

Еще различить не умея вполне
Свет дня от мерцания ночи,
Я, кажется, понял: склонились ко
мне

Два солнца — бездонные очи.

И ты улыбнулась печально, без
слез,

Не веря, но веруя свято,
Что смерть не всеильна...
А ветер принес
Степное дыхание в хату.

О чем же грустишь ты среди белого
дня?

Вопрос вдруг застыл оробело.
Я знаю, живешь ты, всечасно
винясь,
Что всех воскресить не сумела.

Ты к братской могиле приходишь
чуть свет

И, к горькой земле припадая,
За всех матерей и за тех, кого нет
В живых, уже стонешь...
Святая!

Здесь каждый оплакан тобой,
не забыт —

И все-то почти что подростки,
Твои сыновья...

Словно слышишь, как спит
Любой из них в каменно жесткой
Постели своей...

Тем отныне жива,
Что память хранишь их бессонно.
Моя украинская мать!

Что слова?
Не выдать бы горького стона.

Боюсь оскорбить побратимов, что
тут

Лежат, неуместной хвальбою.
Принес свою жизнь я на строгий
твой суд —

И ныне стою пред тобою.

Я как пред святыней.
И сам уже сед:

Была не беспечной дорога...
Я слез не стыжусь.

Их в груди много лет
Держал до заветного срока.

* * *

Мне с детства снился твой простор
былинный,

Ковыль степной и рек широких
гладь.

Искал тебя на карте, Украина,
Всегда мечтал: увидеть, побывать.

В Туркмении, где солнце
желто-жгуче,

Метут песок горячие ветра,
Я слышал шум лесов твоих могучих
И видел блеск глубокого Днепра.

Но знал ли я, что предо мной
предстанут

Твои просторы в зареве войны,
И степь твоя в огромных рваных
ранах,

Пожарищ дальних черные дымы.

Мы шли вперед, нам доставалась
с боем

Любая пядь обугленной земли.
Так я впервые встретился с тобою,
И боль, и ярость сердце мое жгли,

А ныне ты ко мне выходишь
с песней.

И манит вдаль степей твоих
размах.

Ты с каждым днем становишься
чудесней

И краше той, что снилась в детских
снах.

Я снова здесь, и это мне не снится,
Ты навсегда теперь в моей судьбе.
И вот уже Победе нашей тридцать,
И много лет любви моей к тебе.

Я те бои на миг не забываю,
Да пусть они не повторятся впредь.
Не автомат — перо в руке сжимаю,
Чтобы в стихах красу твою воспеть.

* * *

На войне я был солдатом,
Все умея превозмочь...
Дым над степью горьковатый.
Бой.

Украинская ночь.

Мы пошли в атаку ночью,
А когда рассвет настал,
Киев мой,

тебя воочью

Я впервые увидал.

Мы тебя не забывали.
И в боях среди огня
Пламя гнева и печали
Билось в сердце у меня.

Над тобой неколебимы,
Над твоим Днепром родимым
В небеса рвались одни
Окантованные дымом
Языкатые огни...

...Киев, Киев,
мирным светом
Залит вечер голубой.
И солдатом и поэтом
Я стою перед тобой.

Ты шумишь листвой зеленой.
И, волненья не тая,
С головою обнаженной,
Улыбаясь, плачу я.

Тихий свет за каждой рамой,
И куда я ни взгляни,—
Подступают к сердцу прямо
Дружелюбные огни.

* * *

С друзьями часто езжу по стране.
И на вопрос в одной поездке
длинной,
На Украине нравится ли мне,
Ответил: да, люблю я Украину.

По сердцу мне простор ее степей,
Могучая, упрямая равнина,
То тут, то там, звеня, спешит ручей
С Днестром широким слиться
воедино.

А люди здесь — какой размах души!
Какою ширью каждый здесь
отмечен!
Как здесь всегда умели дорожить
Любовью, дружбой, красотой
сердечной.

Что я скажу: природы нрав не
прост,
И русла рек меняются порою,
Где раньше тополь величавый рос,
Там топольки теперь шумят
листвою.

Проходит время — и не та земля,
За год свой лик четырежды меняет,
Где расстилались снежные поля,
Теперь цветов ковер благоухает.

Душа людей всегда здесь высока,
Ее ничуть не изменили годы,
Мы испытали, сколь она крепка
В недобрый час свинцовой
непогоды.

Война их души не смогла сломать,
Простые их, святые помню лица.
Последнее могли они отдать,
Куском последним хлеба
поделиться.

С одной бедой боролись стар
и млад,
И женщины — глаза полны печали...
И руки их... О, сколько же солдат
Спасли они, от смерти отстояли.

И нет земли красивей и щедрей.
С какой ее сравнить землей
другою?
Но что сравнится с добротой
людей,
Простой, земной, обычной
добротою?

На украинской, на родной земле,
Что так близка бескрайними
полями,
Я, словно брат, в родной большой
семье
Не раз сидел, беседуя с друзьями.

Скажи нам, друг, удобно ли тебе?
Чего желаешь ты?
Друзей родные лица.

О дружбы свет! Гори в моей
судьбе!
Пускай тепло твое на жизнь мою
струится.

Чего желаю я?
Пребудет же вольна
Душа друзей, как волен Днепр
былинный,
Певуча, как бандур рокочущих
струна,
Чиста, как родников хрустальные
глубины.

Дубравы пусть шумят, прохладу
затая,
И Днепр уходит вдаль
таинственно-прекрасно.
Пускай цветут сады, и пенье
соловьѣ
Украинскую ночь, как и всегда,
украсит.

Да будет так, друзья!
Да будет мир согрет
Теплом сердец и светом
первородства.
Чего желать еще? Желаний
больше нет,
Когда поют вдали, и песня
не прервется.

* * *

Я снова здесь, в столь памятных
местах,
И вспоминаю с неизбывной болью,
С каким трудом давался каждый
шаг
По пламенем объятому Подолью.
С каким трудом мы двигались
вперед
Под градом пуль, в атаку
штыковую —
Окоп, траншея, неприступный
дзот...
Вперед! Вперед! Сквозь стену
огневую!

Я вспомнил этот тяжкий путь
в боях,
Где каждый миг осколками
изрублен,
Когда Подолье в песнях и цветах
Встречало нас — посланцев всех
республик,

Поет, кипит людской водоворот,
Не счесть друзей и радостных
объятий.
Нам трудно двигаться вперед —
Среди улыбок, слез, рукопожатий.

Уж коли гость, то не спешить
изволь,
Уважь хозяев, будь настолько
ласков.
Из рук дивчин отведай-ка хлеб-соль
На рушниках неистово-цветастых.

И думал я — как хорошо, когда
В дороге той, что суждена судьбою,
Встречает нас не злоба и вражда,
А дружбы свет, сердец тепло
живое.

* * *

Года прошли и скрылись в дымной
мгле...
Я вновь на Украине, в том селе,
Где в дни войны захватчиков
громил,
Где обелиски встали у могил.

Я вновь опять припомнил боль
свою,—
Здесь мой товарищ был сражен
в бою...
А ночью вновь война приснилась
мне,
И встретил я товарища во сне.

— Ну, здравствуй, мой геройский
побратим!
Ты выглядишь, как прежде,
молодым...
Но он, взглядевшись в седину мою,
Ответил:— Я тебя не узнаю!

Встревожили меня его слова,—
Неужто впрямь седая голова?
...Проснулся я.
И вот уж наяву
С погибшим другом разговор веду:

— Мой друг, горжусь я подвигом
твоим.
Не властна сила Времени над ним.
Ты в памяти народа, как живой,
И молодость — навечно возраст
твой.

Твой голос слышу в песне соловья,
В хрустальном звоне горного ручья.
Я вижу, глядя на цветок в лесу,
Твоей бессмертной юности красу.

Встречаю я твой молодой порыв
Во взглядах юношей и детворы...
К тебе не прикоснутся никогда —
Забвенья тлен и старости года.

* * *

Среди холмов село в долине,
Речушка, мостик, даль полей,—
Вы сохранились доньше
В солдатской памяти моей.

Там, у мостка, в сорок четвертом,
Среди полынных горьких трав
Я, ранен,— ни живой, ни мертвый,—
Лежал, сознание потеряв.

И вечно б мне встречать закаты
Вблизи притихшего села,
Но чья-то мать, меня — солдата,
От верной гибели спасла.

...С тех пор, как раненым упал я,
Уже прошло немало лет,
Но врезался навеки в память
Дня воскресенья ясный след.

Мне вспоминается доньше,
Хоть и живу я вдалеке,
Холмы, и то село в долине,
И тропка, что ведет к реке.

* * *

П. Воронько

Возвращение в прошлое — памяти
дар!
И опять зазвенят золотые
ручьи...
Как невесты, каштаны пришли на
бульвар,
Чтоб ловить тихий ветер в ладони
свои.

Мы бродили по Киеву. Всюду —
весна!
Говорили про молодость, дружбу,
любовь...
И певуче в сердцах зазвучала
струна,
Словно годы былые вернулись
к нам вновь.

Вот ты вспомнил заставу на
Кушке...
Порой там горячие ветры метались
во мгле.

Вспомнил дней тех далеких
шалльной непокой,—
Ты три года служил на
туркменской земле.

Вспыхнул юный румянец на
смуглой щеке,
Седина — не помеха сиянью очей,
Будто: в стремя ногою, и сабля —
в руке,
А за старым барханом — орда
басмачей!..

Зной пустыни печет, все живое
губя,
Солнце льется с небес сотней
огненных рек,
Но туркменская мать угощала тебя,
Предлагая, как сыну, и чай,
и чурек...
Я же вспомнил иное: и ночью.
и днем,
Через гром канонад, в бесконечном
бою
Мы идем Украиной, спаленной
огнем,
Вызволяя любимую землю твою.

Я упал в черный снег... Но как
кончился бой,
Украинская мать, называя
«сынком»,
Добрым зельем из трав отвела мою
боль,
А потом отпоила парным молоком...

Пролетели года за незримый
кордон,
И зарницы боев отцвели в тишине...
Пусть же славится дружбы великий
закон,
И любовь матерей на спасенной
земле,
И сердца, что по-братски стучат
в унисон,—
Чтобы солнцу над миром сиять
в вышине.

Люди разных племен знают истины
суть:
Если братья дружны — то как
скалы они,
Им тогда будет легок и радостен
путь,
Будут полниться солнцем и
счастьем их дни.

Так с тобой разговор мы о дружбе
вели..

А вокруг — зеленела, ликуя, весна,
И смеялся Днипро, и каштаны
цвели,
И певуче над миром звучала
струна.

* * *

Задумчивый вечер. Такая пора.
На воспоминанья и грезы богата...
Включаю приемник. И песня
с Днепра
Качнула вдруг комнату синим
накатом.

И сердце качнула — и вот уж они
В былое, сквозь память, плывут
к Приднепровью,
С которым давно, еще в годы
войны,
Навек породнился солдатскою
кровью.

Я в песне той слышу — поют
соловьи,
Шумящие рощи ведут хороводы...
В ней полнятся гомоном пашни
земли
И вешнего Буга звенящие воды...

В той песне — бессонница шахтных
ночей,
В ней шепчется ветер с поникшей
травой,
В ней пышет дыханье азовских
печей,
В ней Черное море рокошет
прибоем...

От пашен твоих, Украина, и рек —
За сто переходов мой Каракумы,
Но всюду ты рядом со мной,
ты навек
Вошла в мое сердце, и в песню,
и в думы.

ЛУКАШОВКА

Лукашовка, Лукашовка,
Сердцу милое село.
Над тобою воздух шелков
И весеннее тепло.

Помнишь ли войны раскаты,
Ту простуженную тьму?
Не в весенней дымке хаты,
В черном горестном дыму.

Кровь и лед. И снега шорох
В свете гаснущего дня.
Ненавистный лютый ворог
Отыскать хотел меня.

Ты меня перевязала
(Смутно помню, как во сне).
Жизнь мою, что угасала,
Ты вернула снова мне.

Помню с той поры нелегкой
Я название села.
Из Туркмении далекой
Память сердца позвала.

На своей земной орбите
Много сел я повидал,
Но когда тебя увидел,
Сразу облик твой узнал.

Не видал с поры военной,
Вспоминал же много раз.
И, конечно, перемены
Всюду радуют мой глаз.

Перемены, словно в сказке.
Лукашовка, ты не та.
Неизменны только ласка
И людская доброта.

Тот же Тикич незабвенный
В тополиных берегах.
Пламя тоже неизменно
В щедрых, жарких очагах.

И приветливо сияет
Белизна уютных хат,
И улыбки расцветают
Белозубые девчат.

Лукашовка, Лукашовка,
Сердцу милое село.
Над тобою воздух шелков
И весеннее тепло.

Для меня всегда ты чудо,
Я иначе не могу.
Никогда не позабуду,
В сердце свято сберегу.

Мы с тобой припомним даты
Черных, тяжких тех годин.
Ты мне жизнь спасла когда-то,
Словно мать, и твой я сын.

* * *

И для стихов сердца раскрылись.
Вниманья полон каждый взгляд.
Слова поэзии на крыльях
Свободно над людьми парят.

В плену поэзии как будто —
Глаза зависимы от слов:
Меняются ежеминутно
Под властной силою стихов.

В них огоньки веселья бродят,
Но тут же горечи полны,
Лишь речь о горестях заходит,
О грозных днях былой войны.

Воспоминанья, словно тени,
Слеза блеснет из-под ресниц.
В глазах на краткое мгновенье
Далекий отблеск тех зарниц.

Но вновь наперекор потерям
Звучат стихи, теплеет взгляд.
Глаза людей с таким доверьем
В глаза поэзии глядят.

Глаза как зеркало, покуда
Звучат стихи, то каждый миг
В глазах я вижу это чудо:
И силу слов и тайну их.

Глаза, слова — они едины.
И в праздник, и в годину бед
Сияет вечно неделимый
И глаз, и слов звучащий свет.

*Переводы с туркменского
Геннадия Калашникова*

Народный поэт Туркменистана Анна Ковусов — автор более тридцати книг, переведенных на многие языки мира, участвовал в Великой Отечественной войне в боях за освобождение Украины в составе 1 танковой Армии в качестве командира отделения автоматчиков-десантников. Был тяжело ранен в 1944 году. Награжден многими орденами и медалями военных и послевоенных лет.

Издание выходит в авторской редакции.

«Федеральная целевая программа книгоиздания России»

К 4072010202 — 0742 Без объявл.
6М4 (03) — 95

ISBN 5—7612—0268—9

© Ковусов А., 1995
© «РБП», состав, оформление, 1995

Составитель Библиотечки — В. А. Ленцов. Редактор — В. П. Максимов.
Художник — И. А. Шиляев. Корректор — И. Е. Данилина.
Технический редактор — Н. С. Шуршалова.
Тираж 1000 экз. Цена договорная. Заказ 8502. Типография № 6 ВИ

Исебит

